

Литературная страница

На литературном вечере 5 Игоря Ильинского

Замерли последние звуки «Румынской рапсодии». Худошавый, уже немолодой человек откинулся на спинку стула, свесив уставшие руки, только сейчас вот твавшие сложную паутину мелодий. Зрители тепло провожают музыканта, доцента Московской консерватории имени Чайковского Михаила Соколова. Но, может быть, на этот раз они не совсем по достоинству оценили его игру — предвкушение предстоящей встречи с выдающимся мастером сцены, с которым он выступает в этот вечер, мешают сосредоточиться...

Ведущая, полнолицая молодая женщина в длинном, до пола, хрустящем платье, чуть-чуть улыбаясь залу, легко и приятно подчеркивает каждое слово: «Народный артист Союза ССР Игорь Владимирович Ильинский». Нетерпеливо гудящий зал отвечает ей неистовым хлопанием сотен ладошек.

...На сцену быстрой и легкой походкой выходит невысокий, плотный человек, одетый в серый костюм. Выйдя на середину, он, слегка наклоня корпус, отвечает на приветствие зрителей легким наклоном крупной головы и доброжелательно улыбается, в то время как его глаза спокойно и остро оглядывают зал. У него короткие, белые, как снег, волосы, слегка утяжеленное книзу лицо с подкупающим выражением мягкости и спокойной доброты. В его облике видна та свойственная большим артистам благородная манера держаться просто и уверенно, которая, вырабатываясь годами напряженного труда, все же немалыми без «интеллигентности», сочетающейся в себе большой талант и природное обаяние.

— Я прочту вам отрывок из повести Льва Николаевича Толстого «Отрочество», — произносит он первые слова своим ясным, наводящим на мысль о родниковой струе, голосом, и, покоренный скрытой силой этого странно молодого и чистого голоса, зал стихает, погружаясь в напряженную тишину.

Неторопливым, скупым движением артист кладет руку на стоящий рядом стул, словно пробуя его прочность, затем садится. Усевшись, он достает воображаемый платок и, поднеся руки к глазам, снимает несуществующие очки, все тем же неторопливым, рассчитанным движением «протирает» несуществующие стекла, смотрит «сквозь» них, проверяя результаты своей работы. Глядя неотрывно на эти руки, вы словно бы подпадаете под их власть.

И вот, подавив невольно рвущийся вздох удивления, вы

отмечаете, что перед вами нет уже человека, только что вышедшего из-за кулис, да и кулис, собственно, нет, нет притихшего зала, нет ничего. Есть только сидящий перед вами, неясно знакомый вам человек, согбенный и растерянный старичок. Захваченные размеренностью совершаемых руками движений, вы не заметили, не уловили момента, когда свершилось у вас на глазах величайшее из всех чудес — чудо искусства... Не кто-то другой, выглядящий значительно моложе своих лет, легкой и быстрой походкой только что вышедший из-за кулис, а несчастливый, оскорбленный за попранный человечность, старичок Карл Иванович рассказывает историю своих злоключений.

Мы видим его вочию, доброго и милого учителя Николеньки, слышим его резковатый голос. Он унижен, но сколько гордого сознания собственного достоинства в этом маленьком человечке, смешно выговаривающем русские слова, пересыпающем их в минуты взволнованности немецкими фразами... Он и немножко тщеславен, когда с гордостью напоминает о том, что в жилах его течет «благородная кровь графов фон Зомерблат», и не по-стариковски нежен, когда говорит о любви к нему его незабвенной матушки, и исполнен неподдельного благородства, когда, протягивая руку нелюбимому его отцу, говорит, что пойдет в солдаты вместо своего брата, которому достался роковой билет...

Черточка по черточке вырисовывается человеческое существо, которому так мало в жизни досталось любви и теплых слов. Собственно, это уже и не старичок со своей грустной историей, а Человек, олицетворяющий собой одиссею человеческого существования... Нельзя без содрогания слушать то место рассказа, где Карл Иванович говорит о встрече с матерью после девятилетней разлуки. Бедный Карл Иванович хотел было не признаваться, но... «я не мог терпеть... «Маменька!» — я сказал, — я ваш Карл!» И он упал мне на рука...» Вы не можете не чувствовать, как по лицу сидящего перед вами человека катятся крупные слезы. Моменты подобного высшего вдохновения, наверное, не часто случаются даже у великих мастеров сцены, которым дано беспредельное право властвовать над человеческими сердцами.

Но вот Игорь Владимирович читает главу из повести Л. Толстого «Детство», и вы переноситесь в другую область человеческого бы-

тия. «Счастливая, счастливая, невозвратимая пора детства!» — произносит артист первую фразу, и все ваше существо проникается грустью, легкой и светлой, бездонной, как синева осеннего неба...

И сам он другой — тот, кто напомнил вам о детстве. Строго выпрямившись, с поднятой головой, он смотрит куда-то вдаль поверх людей, которым надумал рассказать о нем. Он весь во власти воспоминаний, голос его строг, но сколько в нем чувства, передающегося подобно электрическому заряду слушателям. В нем и боль по чему-то утраченному, и легкая дымка радости по неувлимо прекрасному, что получили мы от детства и носим в себе.

«Вернутся ли когда-нибудь та свежесть, беззаботность, потребность любви и сила веры, которыми обладаешь в детстве? Какое время может быть лучше того, когда две лучшие добродетели — невинная веселость и беспредельная потребность любви — были единственными побуждениями в жизни?» В словах этих слышатся раздумья, легкое сомнение. — «Неужели жизнь оставила такие тяжелые следы в моем сердце, что навеки отошли от меня слезы и восторги эти? Неужели остались одни воспоминания?» — В этом вопрошании звучит страстная вера в то, что не бесследно прошли восторги и радости счастливейшей поры — детских лет. В них источник молодости души, свежести чувств, сопричастности иным людям до глубокой старости. К ним относится и выдающийся мастер советской сцены Игорь Владимирович Ильинский, чье могучее искусство таит в себе неисчерпаемый заряд силы, молодости.

В. ШИРОКИЙ.